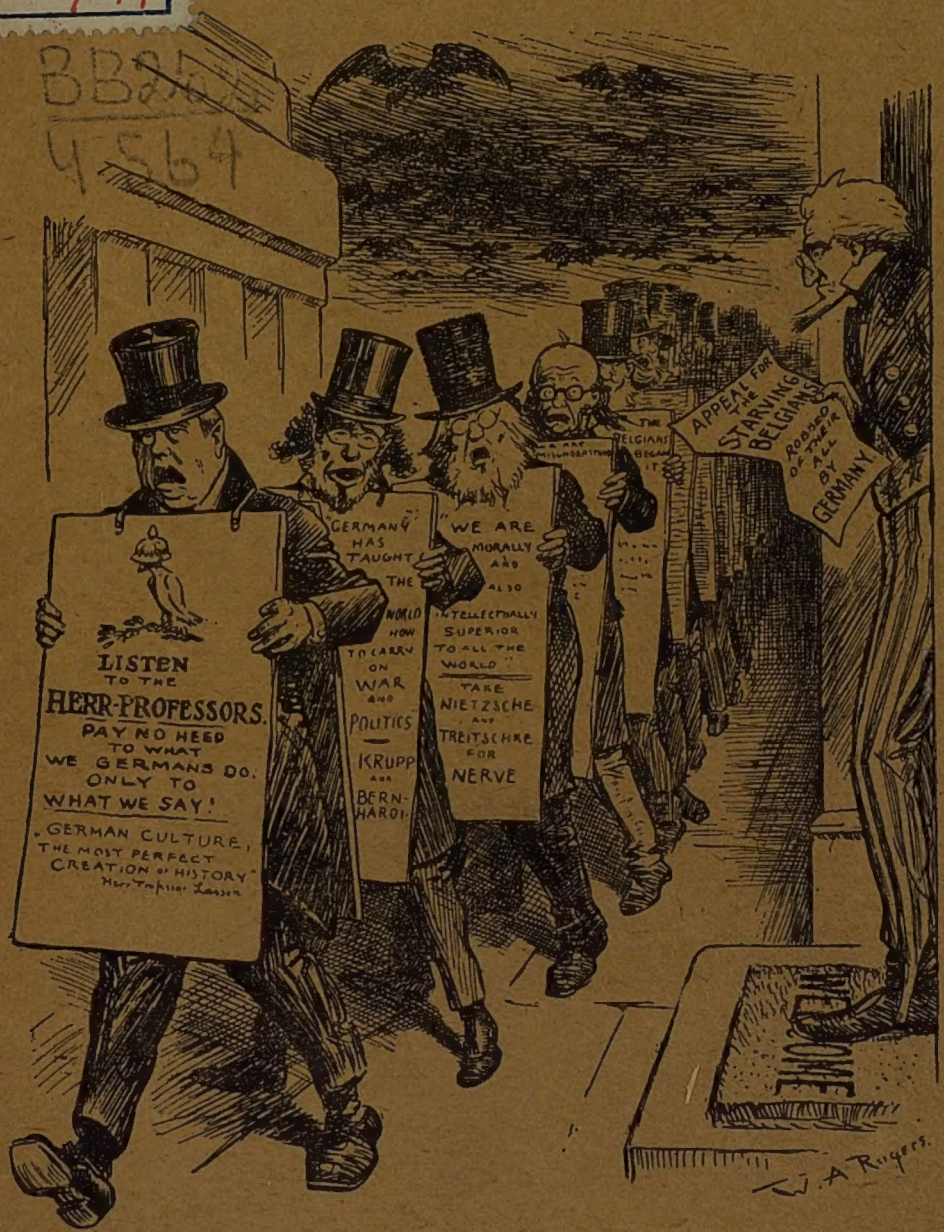
АМЕРИКА

О

ИНОВНИКАХЪ ВОЙНЫ

SELSKABET FOR SOCIAL FORSKEN AF KRIGENS FØLGER
611/199
4543



ПЕТРОГРАДЪ

SELSKABET FOR SOCIAL FORSKEN AF KRIGENS FØLGER
611/199

АМЕРИКА

О

ВИНОВНИКАХЪ ВОЙНЫ.

Отвѣтъ на „Воззваніе къ цивилизованному міру 93 германскихъ профессоровъ“

САМУЭЛЯ ГАРДЕНА ЧЕРЧА

Президента Института Карнеги въ Питтсбургѣ

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ТЕКСТА ВОЗЗВАНІЯ И ПОДПИСЕЙ ПОДЪ НИМЪ.

Письмо это напечатано на всѣхъ главныхъ языкахъ міра и получило широкое распространеніе въ нейтральныхъ государствахъ Европы, а также среди союзниковъ; для Германіи выпущено особое изданіе на нѣмецкомъ языкѣ. Британскіе летчики снабжаютъ имъ нѣмцевъ во время своихъ частыхъ полетовъ надъ Германіей.

Переводъ съ англійскаго **Д. Н. ДИМИТРІЕВА**

ПЕТРОГРАДЪ
1915

К
1986
П
ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
2008
ВВ262 Р
4564
Библиотека
Института Ленина
при Ц. К. В. К. П. (б.)
700/28 182232
У

Тип. Т-ва А. С. Суворина—„Новое Время". Эртелевъ, 13

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Я взялся за перо, чтобы писать о германской войнѣ, получивъ присланное моимъ другомъ, профес. Берлинскаго университета, д-ромъ Фрицемъ Шаперомъ «Воззваніе къ цивилизованному міру». Составляя мой отвѣтъ, я считалъ долгомъ дать д-ру Шаперу, и всему германскому народу, изложеніе съ точки зрѣнія, въ подавляющемъ большинствѣ принятой американцами, съ тѣмъ, чтобы общественное мнѣніе могло оказать вліяніе въ пользу мира. Отвѣта отъ д-ра Шапера я еще не получилъ, но генералъ фонъ-Дикхутъ, губернаторъ Торна въ Восточной Пруссіи, извѣстилъ меня, что письмо своевременно дошло по назначенію; я слышалъ также отъ нѣкоторыхъ своихъ друзей въ Германіи, что они читали мое письмо.

Мнѣ остается добавить, что наступилъ срокъ созданія Международнаго Суда и Международной военной силы, для исполненія его рѣшеній. Правительства Сѣверной и Южной Америки,

включая, конечно, и Соединенные Штаты, для этой цѣли могли бы объединиться съ нейтральными правительствами Италіи, Испаніи, Швеціи, Норвегіи, Даніи и Швейцаріи въ могущественный Союзъ Мира, который понудилъ бы воюющихъ прекратить борьбу, а германскія арміи очистить Бельгію и Францію, и подвергъ бы должному взысканію виновныя въ войнѣ націи. Такой союзъ, усиленный впослѣдствіе воюющими теперь государствами, навсегда прекратилъ бы насилія большихъ націй надъ малыми, и выше государственнаго насилія поставилъ бы право человѣка.

С. Г. Черчъ.

Питтсбургъ,
20 февраля 1915.

Отвѣтъ германскимъ профессорамъ

САМУЭЛЯ ГАРДЕНА ЧЕРЧА

ПРЕЗИДЕНТА ИНСТИТУТА КАРНЕГИ ВЪ ПИТТСБУРГѢ, АВТОРА «ЖИЗНИ ОЛИВЕРА КРОМВЕЛЯ».

Девяносто три выдающихся дѣятеля Германіи, выдвинувшихся въ различныхъ областяхъ знанія, искусства, педагогики и литературы, широко распространили по всей Америкѣ письмо подъ названіемъ «Воззваніе къ цивилизованному міру». Они пытаются въ немъ измѣнить въ пользу Германіи общественное мнѣніе Соединенныхъ Штатовъ о войнѣ. Въ этомъ письмѣ они утверждаютъ, что не Германія отвѣтственна за взрывъ войны; что она не совершила насилія надъ нейтралитетомъ Бельгіи; что она не разрушила Лувена; что ея солдаты не насильничали надъ бельгійскимъ населеніемъ и не совершали жестокостей и, наконецъ, что милитаризмъ является единственнымъ обезпеченіемъ германской цивилизаціи. М-ръ Черчъ, Президентъ Института Карнеги въ Питтсбургѣ и авторъ книги, отмѣченной въ Америкѣ и Европѣ, написалъ на это воззваніе слѣдующій отвѣтъ:

Питтсбургъ, С.-А. С. Штаты.
9 ноября, 1914 года.

Профессору д-ру Фрицу Шаперу, въ Берлинѣ.

Дорогой докторъ Шаперъ.

Я получилъ отъ васъ печатное письмо, обращенное къ «цивилизованному міру» и подписанное девяносто тремя наиболѣе выдающимися именами германскаго искусства, науки и литературы—въ томъ числѣ и вашимъ. Не нужно увѣрять васъ, что я отнесся къ нему съ глубочайшимъ вниманіемъ. Въ моихъ глазахъ эти девяносто три имени имѣютъ огромный вѣсъ. Съ нѣкоторыми изъ ихъ носителей я имѣю честь быть знакомымъ лично; другіе оказали столь выдающіяся услуги всему человѣчеству, что я не могу считать ихъ только нѣмцами. Драмы Гауптмана и музыка Гумпердинка извѣстны, я полагаю, Америкѣ столько же, сколько и Германіи. Многіе изъ насъ сидѣли у ногъ Эрлиха и Эйкена, какъ ап. Павелъ у ногъ Гамаліила. Въ нашихъ учрежденіяхъ, посвященныхъ наукѣ и искусству, въ томъ числѣ и въ Институтѣ Карнеги, мы считаемъ Боде величайшимъ авторитетомъ въ его области. Максъ Рейнгардтъ стоитъ во главѣ движенія, захватившаго и американскій театръ. Имя Зигфрида Вагнера и для насъ дорого по воспоминаніямъ. Рентгенъ, Вас-

серманъ и другіе содѣйствовали наукѣ и облегчали человѣческія страданія. Вы сами, по указанію вашего императора, были гостемъ въ Питтсбургѣ на открытіи новаго зданія Института Карнеги въ числѣ другихъ знаменитыхъ гостей, собравшихся со всѣхъ концовъ міра. Среди германскихъ представителей я вспоминаю съ чувствомъ глубокаго дружелюбія генерала Левенфельда, генерала Дикхута и другихъ.

Что сказать еще, чтобы показать вамъ, какъ глубока симпатія и признательность, которыя я вмѣстѣ съ моими соотечественниками питаю къ народу Германской имперіи? Нужно ли говорить, какъ скорбятъ за него наши сердца въ переживаемое имъ время страшнаго бѣдствія, и какъ горячо мы надѣемся, что миръ еще вернется къ его мятущейся родинѣ. Можетъ ли быть иначе? Самая ткань нашего народа дѣлаетъ его вѣрнымъ Германіи во всѣхъ ея моральныхъ правахъ, ибо въ средѣ нашей нынѣ восемь милліоновъ германцевъ по происхожденію и эти сограждане наши считаются въ числѣ лучшихъ. Мы за Германію въ тайникахъ нашего сердца, ибо она кость отъ нашей кости и плоть отъ нашей плоти. Но такимъ же образомъ мы относимся и къ народамъ всѣхъ другихъ странъ — исключая, увы, народовъ Азіи. Впрочемъ, въ угодный Господу срокъ мы возрастемъ духовно настолько, что и сыновъ Азіи примемъ къ себѣ съ равнымъ гостепріимствомъ. Мы нація все-

мірнаго состава и, помимо восьми милліоновъ германцевъ, освоили себѣ 13 милліоновъ изъ Великобританіи, 300.000 изъ Франціи, 3.000.000 изъ Россіи, 2.000.000 изъ Австріи, 25.000 съ Балканъ и 100.000 изъ Бельгіи. Всего на 100.000.000 населенія у насъ находится 32 милліона, родившихся въ иностранныхъ государствахъ, такъ что въ нашихъ жилахъ течетъ кровь всего человѣческаго рода.

Нейтралитетъ не есть безразличіе.

Такъ можемъ ли мы въ этой ужасной войнѣ лишать Германію нашихъ симпатій? И можемъ ли мы становиться на чью либо сторону несправедливо, разъ всѣ участники ея наши настоящіе братья? Нашъ всѣми чтимый Президентъ призвалъ насъ соблюдать безпристрастный нейтралитетъ, и мы тщательно соблюдаемъ его; но въ то же время съ такою же серьезностью мы стараемся выяснить, кто правъ, и осуждаемъ виновныхъ, ибо нейтралитетъ не значитъ мертвое безразличіе. Вы можете припомнить, что Данте въ своей «Божественной Комедіи» въ самыхъ глубинахъ преисподней помѣстилъ безразличныхъ къ вѣчной борьбѣ добра и зла. Настоящая война есть борьба между силами добра и зла, и американскій народъ, свободный отъ всякой предвзятости, внимательно изслѣдуетъ всѣ обстоятельства. Ваше письмо «Къ

цивилизованному міру» является существеннымъ матеріаломъ для нашего окончательнаго сужденія, основаннаго на положительныхъ фактахъ.

Вы говорите, что ваши враги «ложью и клеветой пытаются запятнать честь Германіи въ ея тяжкой борьбѣ за существованіе — въ войнѣ, которая была навязана ей».

Съ чувствомъ сожалѣнія я долженъ отмѣтить, что германскій народъ выбралъ неудачный способъ завоевать въ этой тяжбѣ доброе мнѣніе Америки. Конечно, весьма хорошо, что онъ желаетъ остаться правымъ въ глазахъ нашего народа. Но Германіи нечего было опасаться, что американское общественное мнѣніе будетъ извращено ложью и клеветой ея враговъ. Въ нашихъ изысканіяхъ истины мы идемъ глубже поверхности. Въ вашемъ письмѣ говорится, что «война Германіи навязана». Въ этомъ весь вопросъ; все остальное имѣетъ второстепенное значеніе. Если война навязана Германіи, то ея положеніе исполнено достоинства и весь міръ обязанъ привѣтствовать ее и помогать ей до послѣдняго сокрушенія и кары ея враговъ, напавшихъ на нее. Но если эта преступная война не была навязана ей, то не слѣдуетъ ли — въ силу такого же хода мысли, — что ея положеніе лишено всякаго достоинства и чести, и что содѣйствовать до послѣднихъ предѣловъ человѣческаго сочувствія мы должны не ей, а ея врагамъ.

Неоспоримые документы.

Я полагаю, дорогой докторъ Шаперъ, что приговоръ американскаго народа по этому вопросу уже составленъ. Онъ основанъ не на лжи и клеветахъ недруговъ Германіи и не на бѣглыхъ газетныхъ сообщеніяхъ, а на глубокомъ изученіи оффиціальной переписки по этому дѣлу. Она была обнародована правительствами воюющихъ державъ, перепечатана полностью во всѣхъ главныхъ газетахъ и съ достаточной полнотою въ ежемѣсячныхъ журналахъ; затѣмъ издана отдѣльной брошюрой газетой «Нью-Іоркъ Таймсъ», и разошлась въ нѣсколькихъ изданіяхъ; наконецъ, она была издана «Американской Ассоціаціей международнаго примиренія». Милліоны американцевъ познакомились съ этими неоспоримыми документами и спросъ на нихъ все еще продолжается. Эти документы суть: 1) Австровенгерская нота Сербіи; 2) Сербскій отвѣтъ; 3) Британская Бѣлая Книга; 4) Германская Бѣлая Книга; 5) Русская Оранжевая Книга; 6) Бельгійская Сѣрая Книга. Въ нихъ заключаются всѣ письма и телеграммы, которыя правительства сочли желательнымъ сообщить міру, какъ оправданіе въ своемъ участіи въ войнѣ. И—мимоходомъ—каждый, кто изучалъ эти документы, пожалѣетъ, что Германія не осмѣлилась напечатать свою переписку съ Австріей и Австрія не осмѣлилась напечатать

свою переписку съ Германіей. Если бы въ распоряженіи читателей оказалась и эта скрытая часть документовъ, сужденіе о томъ, кто виновенъ въ войнѣ, было бы безъ сомнѣнія облегчено до крайности. Но то, что напечатано, находится передъ моими глазами. Я не могу не спросить себя: да обнародованы ли всѣ эти документы въ Германіи? Хорошо, если германскій народъ имѣетъ такую же возможность, какъ и мои соотечественники, прочесть эти историческія книги въ полномъ видѣ.

Убійство эрцгерцога.

Итакъ: была ли война навязана Германіи? Что доказываютъ оффиціальные документы?

Въ 1908 году Австрія захватила Боснію и Герцоговину. Такія дѣйствія возмущаютъ душу. Подъ вліяніемъ подобной провокаціи многіе легко теряютъ умственное равновѣсіе. Въ маѣ 1914 г. австрійскій эрцгерцогъ прибылъ въ захваченныя земли. Народъ видѣлъ въ немъ насильника, узурпатора, тирана, и онъ былъ умерщвленъ. Это было отвратительное преступленіе, осуждаемое справедливыми людьми всего міра. Осуждая его, испытывая къ нему ужасъ и отвращеніе, я, тѣмъ не менѣе, не могу закрыть глаза на обстоятельства, при которыхъ оно совершилось. Въ глазахъ подъяремнаго народа наслѣдный принцъ былъ чужестраннымъ тираномъ.

И вотъ Австрія вознамѣрилась призвать Сербію къ отвѣту за это убійство и послала ультиматумъ, заключающій десять требованій. Ни одинъ ультиматумъ въ исторіи государственныхъ отношеній до сихъ поръ не оскорблялъ такъ достоинства другого государства. И все таки Сербія уступила всѣмъ домогательствамъ, за исключеніемъ отчасти пятаго и шестого. Имперская система пангерманизма нашла свое выраженіе въ статьѣ пятой, правда, въ предательски прикровенномъ видѣ. Сербію дѣлали жертвой очередной задачи австро-германскаго завоевательнаго плана. Отъ Сербіи требовали «допустить сотрудничество представителей Австро-Венгерскаго правительства въ подавленіи революціоннаго движенія, направленнаго противъ территоріальной неприкосновенности (Австрійской) монархіи».

Краткая статья эта исполнена затаеннаго смысла. Выраженія здѣсь такъ неопредѣленны и двусмысленны, что согласіе Сербіи дало бы Австріи возможность какого угодно толкованія; по желанію, ими можно было бы оправдать притязаніе Австріи на вмѣшательство практически во всѣ сербскія дѣла подъ предлогомъ борьбы съ «революціоннымъ движеніемъ». Только что Австрія похитила у Сербовъ два ея лучшихъ сокровища и вотъ уже развертываетъ планъ новыхъ захватовъ. Въ Германской «Бѣлой Книгѣ» мы читаемъ совершенно открытое призна-

ніе, что главнымъ намѣреніемъ Австріи было установить надзоръ за политикой Сербіи во всѣхъ случаяхъ, когда она противорѣчила бы интересамъ Австріи не только въ присоединенныхъ областяхъ, но и въ тѣхъ, которыя будутъ захвачены впослѣдствіи.

Суверенитетъ сербскаго народа не могъ подвергнуться болѣе тяжкому испытанію. Однако, Сербія пошла на мученичество и согласилась «допустить такое сотрудничество, которое согласовалось бы съ международнымъ правомъ, съ судебной практикой и съ добрососѣдскими отношеніями».

Цѣль Германіи.

Полезно все время удерживать въ памяти эту, заявленную Германіей и Австріей, цѣль войны съ Сербіей. Это поможетъ избѣжать ложнаго взгляда, будто предстоялъ лишь карательная экспедиція за убійство наслѣдника австрійскаго престола. Послѣ обнародованія этихъ угрожающихъ требованій, Россія, какъ одна изъ великихъ державъ Европы, сознала историческій долгъ поднять свой голосъ—и подняла его—въ защиту суверенитета сербскаго королевства. Германія отлично знала, что упрямыя домогательства Австріи неизбѣжно вызовутъ войну; но она возглашала на весь міръ о своей непреклонности, и вызывала Россію на вмѣшательство.

На ряду съ этимъ статья 6-я содержала также небывалое требованіе, чтобы австрійскіе чиновники участвовали въ сербскомъ судѣ надъ соучастниками убійства, сербскими подданными. Даже этому подчинилась Сербія, отмѣтивъ лишь, что подобное вмѣшательство Австріи противорѣчитъ сербскимъ законамъ. Въ случаѣ, если Австрію не удовлетворилъ бы отвѣтъ на ту или другую статью ультиматума, Сербія предлагала продолжать переговоры или перенести вопросъ въ Гаагскій судъ или на судъ великихъ европейскихъ державъ. Этимъ образомъ дѣйствій Сербія обнаружила крайнее миролюбіе, дорогое всѣмъ истинно цивилизованнымъ народамъ. Но Австрія, сознавая, что для соглашенія было бы достаточно получаса переговоровъ, всетаки предпочла войну, и въ этомъ рѣшеніи ее поддерживалъ германскій императоръ и военная партія въ Германіи, какъ это съ ясностью запечатлѣно въ ихъ оффиціальныхъ заявленіяхъ.

Германская «Бѣлая Книга» очень откровенна по этому предмету. Она говоритъ: «мы могли завѣрить нашего союзника (Австрію) самымъ сердечнымъ образомъ въ нашемъ согласіи съ ея точкой зрѣнія и увѣрить ее, что всякое дѣйствіе, которое она сочтетъ необходимымъ предпринять, чтобы положить конецъ движенію въ Сербіи, направленному противъ существованія Австро-Венгерской монархіи, получитъ наше одобреніе».

Вы видите, дорогой докторъ Шаперъ, что у императора и у его совѣтниковъ и въ мысляхъ не было переносить тяжбу на Гаагскій судъ или обсудить ее въ концертѣ европейскихъ державъ. Мы стараемся выяснить, какъ вы помните, кто началъ войну. И вотъ «Бѣлая Книга» продолжаетъ: «мы были вполнѣ освѣдомлены, что военныя приготовленія Австріи противъ Сербіи могли привлечь вниманіе Россіи и могли вовлечь насъ въ войну, согласно нашимъ союзническимъ обязательствамъ».

Вы не откажетесь, надѣюсь, съ тщательнымъ вниманіемъ перечитать приведенную выдержку. Не доказываютъ ли эти слова, что всѣ миріады германцевъ, трудящихся людей и добрыхъ гражданъ, погибли во время нашествія на чужія страны вовсе не потому, что ихъ отечеству грозила смертельная опасность, но потому, что ихъ смерти требовали честолюбивые расчеты династій Габсбурговъ и Гогенцоллерновъ.

Переговоры о конференціи.

Въ англійской «Бѣлой Книгѣ» собраны всѣ телеграммы, которыми англійское министерство иностранныхъ дѣлъ обмѣнялось съ дипломатическими руководителями другихъ державъ, включая имперскаго канцлера Германіи. И какъ любопытно, что именно эти телеграммы къ нему и отъ него Германское правительство не вклю-

чило въ свое изложеніе. 24 іюля сэръ Эдуардъ Грей, черезъ британскаго посла въ Берлинѣ, предложилъ созвать конференцію Германіи, Италіи, Франціи и Англіи, чтобы смягчить угрожающій характеръ, который приняли отношенія Австріи и Россіи. На слѣдующій день онъ предложилъ эту же мысль германскому послу въ Лондонѣ. 26 іюля императоръ внезапно возвратился въ Берлинъ (онъ не «отдыхалъ вдалекѣ отъ дѣлъ», какъ утверждали множество разъ его защитники въ Америкѣ), и сэръ Эдуардъ Грей вновь повторилъ свой настоятельный призывъ къ согласительной конференціи. На слѣдующій день англійскій посланникъ въ Берлинѣ телеграфировалъ: «Государственный секретарь Германіи высказывается, что конференція практически обратится въ арбитражный судъ. По его мнѣнію, она можетъ быть созвана лишь по требованію Австріи и Россіи. При всемъ желаніи содѣйствовать поддержанію мира, министръ не можетъ присоединиться къ этой мысли. Я высказалъ увѣренность, что ваша идея не имѣетъ ничего общаго съ арбитражемъ. Она заключается, по моему убѣжденію, въ томъ, что представители четырехъ, прямо не заинтересованныхъ, державъ обсудятъ дѣло, и предложатъ средства для избѣжанія опасности. Онъ продолжалъ, однако, утверждать, что конференція, которую вы предложили, неосуществима».

Не значитъ ли это, что Германія хотѣла войны? Сдѣлала ли она малѣйшее усиліе, чтобы предотвратить ее? Или она подверглась нападенію? Или «завистливые сосѣди» притѣсняли ее? Напротивъ, Германія упрямо стояла на томъ, что Австрія вправѣ воевать съ Сербіей, а вмѣшательство Россіи приведетъ къ войнѣ. Такъ кто же началъ войну? За что нѣмцы шли и идутъ на смерть? Вѣдь все это время Англія, Франція, Россія и Италія напрягали всѣ усилія, чтобы остановить Австрію отъ столкновенья, которое, какъ это всѣ хорошо знали, угрожало всеобщему миру. Германія знала это не хуже другихъ. Другіе еще надѣялись на конференцію, а Австрія оставалась глухою и при поддержкѣ Германіи заняла непримиримое положеніе. 27 іюля она начала войну съ Сербіей.

Двѣ точки зрѣнія.

Вернемся къ Германской «Бѣлой Книгѣ». Вслѣдъ за нападеніемъ на Сербію Россія мобилизовала свою армію противъ Австріи, согласно заранѣе объявленному рѣшенію поступить такъ въ случаѣ нужды. Тутъ мы наталкиваемся на самое необыкновенное сообщеніе, какое когда либо появлялось на бумагѣ. Это телеграмма Германскаго императора къ Русскому Государю: «Безсовѣстная агитація, которая ведется уже столько лѣтъ въ Сербіи, закончилась отвратительнымъ

Институтъ Денни
142232

преступленіемъ, жертвой котораго палъ эрцгерцогъ Францъ-Фердинандъ. Безъ сомнѣнія, Ты согласишься со Мною, что Мы оба, Ты и Я, какъ и всѣ монархи, имѣемъ общій интересъ настаивать, чтобы всѣ тѣ, кто несетъ отвѣтственность за ужасное убійство, понесли заслуженное наказаніе».

Послѣ этого намъ становится еще яснѣе, для чего понадобилась смерть нѣмецкихъ солдатъ и слезы нѣмецкихъ женщинъ. Былъ убитъ нѣмецкій принцъ. Не важно, что онъ былъ честолюбцемъ и насильникомъ. Онъ убитъ и вся Европа должна провалиться въ преисподнюю.

Тѣ изъ насъ, кто возмущался бомбой, брошенной въ вѣнценосца, теперь поражены, видя, какъ вѣнценосецъ, соперничая съ самыми низкими анархистами, самъ мечетъ бомбы въ беззащитныхъ женщинъ и дѣтей въ Антверпенѣ и Парижѣ.

Русскій Императоръ возразилъ: «Позорная война была объявлена слабой націи; негодованіе, которое Я раздѣляю, противъ этого въ Россіи безгранично. Я предвижу, что вскорѣ не смогу противостоять давленію и вынужденъ буду принять мѣры, которыя приведутъ къ войнѣ».

Германскій императоръ отвѣтилъ слѣдующимъ образомъ: «Я не могу разсматривать дѣйствія Австріи, какъ позорную войну. Австрія знаетъ по опыту, что обѣщанія Сербіи, когда они лишь на бумагѣ, совершенно не заслуживаютъ довѣрія».

Здѣсь не могу удержаться, чтобы не спросить васъ, дорогой докторъ Шаперъ, не извѣстны ли вамъ, какъ и всему свѣту, другія обѣщанія, изложенныя тоже на бумагѣ и также не заслуживающія никакого довѣрія? Нѣтъ ли на одной изъ такихъ бумагъ подписи вашего императора? Не назвалъ ли онъ свое торжественное и священное поручительство за нейтралитетъ Бельгіи ничѣмъ инымъ, какъ лоскутомъ бумаги?

Изумительная телеграмма.

На вопросъ Англіи, гарантируетъ ли Германія Франціи неприкосновенность ея территоріальныхъ владѣній, Германія отвѣтила, что она не можетъ дать такой гарантіи. И въ отвѣтъ на послѣднее усиліе со стороны Англіи защитить Францію отъ расчлененія и грабежа, императоръ посылаетъ англійскому королю изумительную телеграмму: «Моя мобилизація не можетъ быть отмѣнена, такъ какъ Ваша телеграмма запоздала. Но если Франція предложитъ мнѣ нейтралитетъ, который будетъ обезпеченъ британскимъ флотомъ и арміей, я, конечно, воздержусь отъ нападенія на Францію и употреблю мои войска въ другомъ мѣстѣ. Надѣюсь, что Франція не будетъ нервничать. Войска на моихъ границахъ еще могутъ быть остановлены по телеграфу и телефону отъ вторженія во Францію».

«Моя мобилизація!»—значитъ войну началъ императоръ... Такъ вотъ что! Телеграмма изъ Англіи пришла слишкомъ поздно; германскій императоръ мобилизовалъ армію; его арміи уже переходятъ французскія границы, а Франція не должна нервничать! Бѣдная Франція! Сотрясаясь подъ ногами милліона завоевателей, она не должна нервничать!

Наконецъ, послѣдній шагъ германскаго канцлера, имѣвшій характеръ ультиматума: Россіи давалось двѣнадцать часовъ сроку, чтобы прекратить мобилизацію. Но Россія не могла не продолжать своихъ приготовленій и 1-го августа разразилась война.

Кто началъ ее? Англія? Нѣтъ. Ибо Англія предложила рѣшить споръ арбитражемъ; она не была готова къ войнѣ и оставалась неготовой еще шесть мѣсяцевъ. Франція? Россія? Ни одинъ изъ девяноста трехъ выдающихся людей, приславшихъ мнѣ письмо, если онъ прочтетъ документальныя данныя, не скажетъ этого. Формально войну начала Австрія, ничѣмъ не вызваннымъ нападеніемъ на Сербію. Австрія начала, но вдохновенье, приказы и руководство она получала отъ Германіи, которая въ свой чередъ сдѣлала заявленіе державамъ, что всякое вмѣшательство въ дѣло Австріи будетъ считаться Германіей, какъ вызовъ на войну.

За что умираютъ нѣмцы?

Въ такомъ случаѣ, за что умираютъ доблестные нѣмецкіе солдаты? Увы! Никто въ рядахъ скошенныхъ баталіоновъ не могъ бы отвѣтить на этотъ вопросъ въ послѣднія мгновенія предсмертной агоніи. Солдаты, павшіе въ рядахъ союзниковъ, умирали на своей собственной землѣ, защищая свою страну противъ вторженія, а сыны Германіи безцѣльно гибнутъ на чужой землѣ.

Далѣе, вы утверждаете въ своемъ письмѣ: «неправда, что мы нарушили нейтралитетъ Бельгіи». Хорошо ли девяносто три представителя Германіи вчитались въ текстъ письма, подписаннаго ими? Какъ могли эти изощренные наукой умы сознательно удостовѣрить такую несообразность? И я снова спрашиваю, имѣетъ ли населеніе Германіи весь тотъ документальный матеріалъ, который открытъ остальному міру? Читали ли мои девяносто три почтенныхъ корреспондента преступное утвержденіе, сдѣланное имперскимъ канцлеромъ фонъ-Бетманъ-Гольвегомъ въ рейхстагѣ 4-го августа? Боюсь, что нѣтъ. Канцлеръ сказалъ:

«Мы принуждены были пренебречь справедливыми протестами Люксембургскаго и Бельгійскаго правительствъ. Наши войска заняли Люксембургъ, а можетъ быть уже и Бельгійскую территорію. Господа, это нарушеніе международ-

наго права. Вѣрно, что французское правительство заявило въ Брюсселѣ, что Франція намѣрена уважать нейтралитетъ Бельгіи, пока ея противникъ будетъ уважать его. Но Франція можетъ ждать, а мы не можемъ. Правонарушеніе — я говорю открыто, — которое мы совершили, мы постараемся исправить, какъ только наша военная цѣль будетъ достигнута».

И опять я съ изумленіемъ спрашиваю, знаетъ ли кто-нибудь изъ васъ, господа, что вашъ имперскій канцлеръ, взывая къ доброму мнѣнію американскаго народа, самъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ вновь сознался въ этомъ преступленіи противъ Бельгіи:

«Необходимость принудила насъ сдѣлать насиліе надъ нейтралитетомъ Бельгіи, но мы серьезно обѣщали вознаградить эту страну за весь причиненный ущербъ».

Только правонарушеніе?

Что скажетъ совѣсть германцевъ, когда среди бѣшенства и угара войны, она вдругъ постигнетъ зловѣщій смыслъ сознанія ихъ имперскаго канцлера? Будутъ ли германцы ссылаться на необходимость? Но кто напалъ бы на васъ, если бы самъ вашъ императоръ не перешелъ со своими полками границъ вашихъ мирныхъ сосѣдей? «Правонарушеніе, которое мы сдѣлали». Разгромъ страны, не причинившей вамъ зла,

избіеніе ея дѣтей, изгнаніе ея короля и правительства, расхищеніе запасовъ, разрушеніе городовъ, мирныхъ очаговъ, прекрасныхъ памятниковъ прошлаго и несравненныхъ созданій человѣческаго генія! — Это только извинительное и поправимое правонарушеніе?

«Правонарушеніе, которое мы сдѣлали». Ужаснѣе всего картина: обезумѣвшее, отчаявшееся населеніе въ послѣднемъ порывѣ самосохраненія отстрѣливается изъ оконъ горящихъ зданій, и ваши солдаты добиваютъ его безъ различія пола и возраста. Правонарушеніе! Но вы отрицаете даже и его вопреки обличающему признанію оффиціальнаго голоса Германіи? О, докторъ Шаперъ! Если бы роли перемѣнились и иностранныя войска появились на улицахъ Берлина, развѣ вы и всѣ девяносто три моихъ корреспондента, видя, какъ ваши дома рушатся въ пламени, какъ братья умираютъ на улицахъ, развѣ вы не стали бы стрѣлять въ безпощадныхъ завоевателей? За себя скажу, что я стрѣлялъ бы! Недавно наши американскія войска были отправлены въ Мексику. Не для войны и завоеванія. Они должны были возстановить миръ, порядокъ и силу закона въ этой странѣ. Въ городѣ Вера Круцъ двадцать два нашихъ юныхъ солдата были убиты мѣстными жителями изъ оконъ домовъ. Солдаты стали въ свою очередь отстрѣливаться, но они не разрушили города, не убивали невиновныхъ и даже тѣ изъ

стрѣлявшихъ, кого удалось арестовать, были отпущены на свободу съ совѣтомъ вести себя лучше.

Если бы Америка обладала мощью и волей, чтобы явиться въ Бельгію и Францію, осадить злобныхъ завоевателей и возстановить тамъ миръ, порядокъ и силу закона, это было бы исполненіемъ моего высшаго желанія. Когда-нибудь усиліями народовъ всего человѣчества организуется сила для обузданія, какъ враговъ общества, націй, подобныхъ Германіи, которая въ продолженіе двадцати пяти лѣтъ готовила другимъ націямъ смерть и адъ. Грубый и дикій пріемъ, встрѣтившій насъ въ Мексикѣ, является мягкимъ при сравненіи съ варварскими разрушеніями и грабежами вашихъ войскъ во Франціи и въ Бельгіи.

Германія невиновна, говорите вы, докторъ Шаперъ, но тогда объясните же, для чего ваши арміи находятся въ Бельгіи? Для чего они во Франціи? Вашему народу никогда не пришлось бы воевать, если бы онъ дожидался нападенія. Вашъ имперскій канцлеръ говоритъ, что вы сдѣлали насиліе надъ международнымъ правомъ и что вы постараетесь искупить совершенную вину. Но вѣдь золото, если бы вы платили его Франціи и Бельгіи тысячу лѣтъ, повторяя каждый часъ этого тысячелѣтія покаянныя молитвы со стыдомъ и сокрушеніемъ, все-таки не возстановило бы дѣла огня и меча, не осушило

океана слезъ, которыя пролились во время вашего вторженія.

Одинъ свидѣтель.

Въ вашемъ письмѣ отрицается и другое. «Мы не причиняли вреда жизни и собственности отдѣльныхъ бельгійскихъ гражданъ, если крайняя необходимость самозащиты не понуждала къ этому», и ваши войска «не поступали съ Лувеномъ звѣрски». Въ этомъ случаѣ мы должны основываться на фактахъ, а факты слишкомъ хорошо извѣстны, чтобы оспаривать ихъ. Тѣмъ не менѣе, я выставлю противъ васъ одного свидѣтеля. Только одного:—вашего же императора. Слушайте его: «Мои солдаты разрушили Лувенъ за преступленіе его жителей, и жизнь и имущество многихъ невиновныхъ были принесены въ жертву. Мое сердце истекаетъ кровью за Лувенъ».

Вы отрицаете точно также злодѣянія, не вызванныя войною. Но вотъ здѣсь въ Питтсбургѣ получено письмо отъ одной изъ сестеръ Краснаго Креста, работавшей въ Бельгіи. На ея попеченіи въ палатѣ есть мальчикъ. Онъ стрѣлялъ, доблестный юноша, въ войска, грабившія его страну. Ваши солдаты отрубили ему обѣ руки. А не былъ ли убитъ бургомистръ Термонда за то, что защищалъ дочь отъ покушенія германскаго офицера, бывшаго гостемъ въ его

домѣ. Вотъ что сообщаетъ мнѣ сегодня одинъ изъ моихъ корреспондентовъ. Онъ жилъ недавно въ Брюсселѣ и принужденъ былъ бѣжать въ Нантъ. Онъ пишетъ, что ваши солдаты застрѣлили кассира Бельгійскаго Національнаго Банка и его двухъ сыновей за отказъ открыть несгораемые ящики. Да и къ чему отрицаніе единичныхъ фактовъ звѣрствъ, разъ документально установлены массовыя злодѣйства въ Лувенѣ, Алостѣ и Термондѣ? Нашъ народъ всякую войну признаетъ зломъ, развращающимъ націю, поднявшую мечъ, такъ же, какъ частное преступленіе развращаетъ преступника. Вашъ императоръ почитался однимъ изъ величайшихъ людей въ мірѣ. А какою славой будетъ теперь окружено его имя въ исторіи? Его провокація войны, ничѣмъ не оправдываемая, ударила по сокровеннѣйшимъ струнамъ души всего человѣчества. Онъ залилъ Европу человѣческой кровью и далъ ей новое населеніе изъ плачущихъ вдовъ и матерей, осиротѣвшихъ дѣтей, изъ людей безъ рукъ и ногъ. Ужасный даръ.

Вы заканчиваете свое письмо защитой германскаго милитаризма. Это какъ разъ опять возвращаетъ насъ къ вопросу о началѣ войны. Всѣмъ, у кого голова на плечахъ, ясно, что отвѣтственность цѣликомъ лежитъ на Германіи, которая подстрекнула Австрію напасть на Сербію, зная, къ чему это поведетъ. Ибо Австрія—дребезжащая имперія, не способная, подобно

Америкѣ, претворить различныя народности въ однородную націю. Въ самомъ ея политическомъ устройствѣ нѣтъ равенства и ея правительство не можетъ сдѣлать по собственной иниціативѣ ни добраго, ни злого.

Двадцать пять лѣтъ назадъ.

Ваше упоминаніе о германскомъ милитаризмѣ приводитъ на мысль, что война потенціально началась четверть вѣка назадъ со вступленіемъ на престолъ императора Вильгельма II. Онъ объявилъ себя Высшимъ Божествомъ войны и началъ готовить къ ней свой народъ. Его собственныя дѣти съ младенчества должны были смотрѣть на себя, какъ на будущихъ солдатъ и свыкались со своимъ кровавымъ назначеніемъ; у насъ въ Америкѣ даже его дочь извѣстна лишь по фотографіи въ формѣ полковника. Въ томъ же духѣ, какъ его собственныя дѣти, воспитывалось все юношество имперіи. Принудительная военная служба изъ каждаго дѣлала солдата. Я бывалъ въ Германіи и живо помню впечатлѣніе какого-то національнаго безпокойства: улицы во всякое время полны солдатъ; въ глаза бросается блескъ начищенныхъ касокъ и полированныхъ кирасъ. Стукъ сабель и звонъ шпоръ утомляютъ слухъ. Кони грызутъ удила и нетерпѣливо бьютъ копытомъ. Этотъ постоянный шумъ и воинственный блескъ отравлялъ

воображеніе германскаго народа; буйный духъ завоеванія постепенно вселился въ него.

Человѣкъ, надѣвшій королевскую форму, становился членомъ исключительнаго сословія. Военная честь оправдываетъ офицера, который въ ресторанѣ, пьяный, убиваетъ лакея, подавшаго ему счетъ. Хромой сапожникъ, въ присоединенной къ Германіи области, пробормоталъ что то о войскѣ кайзера и тутъ же былъ зарубленъ саблей. Трусъ-офицеръ, напавшій на него, удостоился горячаго одобренія германскаго кронпринца. Былъ такой случай: человѣкъ изъ народа, встрѣтивъ товарища своей юности, ставшаго офицеромъ, хотѣлъ по-пріятельски съ нимъ поздороваться и былъ убитъ за такое неприличіе. Убійца еще написалъ письмо матери своей жертвы съ объясненіемъ своего подвига. Я самъ наблюдалъ, какъ германскіе офицеры толкаютъ локтемъ на улицѣ дамъ изъ общества, чтобы не обходить ихъ. Мнѣ приходилось видѣть, какъ офицеры въ Германіи поднимали бокалы и произносили тосты въ честь будущей войны.

И каждый день каждаго года своего царствованія императоръ зажигательными рѣчами поддерживалъ въ обществѣ пылъ въ ожиданіи войны. Дѣятели, предлагавшіе реальныя мѣры въ пользу мира, подвергались насмѣшкамъ. Когда, наконецъ, рабочіе классы всѣхъ странъ начали изнемогать подъ тяжестью военныхъ приготовленій (около 75 процентовъ доходовъ всѣхъ пра-

вительствъ поглощается этими безграничными тратами), англійскій кабинетъ предложилъ сдѣлать перерывъ въ вооруженіяхъ на одинъ годъ. Императоръ отвѣтилъ на эту благородную идею закладкой четырехъ линейныхъ судовъ и увеличеніемъ арміи на триста тысячъ человѣкъ,— и немедленно Франція удлинила срокъ военной службы съ двухъ лѣтъ до трехъ.

Вашъ генералъ фонъ-Бернгарди сказалъ: «усилія обезпечить миръ крайне вредны для общественнаго здоровья». Профессора вашихъ университетовъ укрѣпляли въ умахъ своихъ юныхъ слушателей ученіе о неизбѣжности войны. Минуя вашихъ великихъ философовъ, Канта и его преемниковъ, приходится удостовѣрить, что національный духъ Германіи проникается чувственнымъ матеріализмомъ Ничше, неприкрытой кровожадностью генерала фонъ-Бернгарди, злобными грезами о войнѣ Трейчке и проституированной моралью фонъ-Бюлова; всѣ свѣдѣнія, какія можно было собрать о вашемъ императорѣ, о его дѣтяхъ, о его солдатахъ, о его государственныхъ людяхъ, о его профессорахъ, создаютъ представленіе, что Германія ставитъ себя особнякомъ отъ остального міра и выше его, и желаетъ насиліемъ упрочить свое господство. Въ противоположность этому узкому и губительному духу, мы, американцы, научились цѣнить человѣчество, привѣтствуемъ его и соединяемъ всѣ народности на лонѣ нашей страны.

Ложный принципъ германской государственности.

И именно тутъ, дорогой докторъ Шаперъ, не умѣстно ли сказать, что германская государственность построена на ложномъ принципѣ. Главнымъ образомъ этотъ ложный принципъ и повиненъ во всѣхъ тѣхъ бѣдствіяхъ, которыя Германія навлекла на міръ. Въ сердце каждаго германца внѣдрено убѣжденіе, что германскій флагъ долженъ всюду слѣдовать за германцами. Вашъ императоръ говоритъ своему народу, что Германія выше всего — вѣдь и вамъ приходилось распѣвать эти слова—онъ учитъ, что его подданные выше всего остального человѣчества, и народъ вѣритъ. Но какъ я уже говорилъ, въ Америкѣ живутъ восемь милліоновъ нѣмцевъ, которые не нуждаются для своего полнаго благополучія въ покровительствѣ германскаго флага. Тысячи нѣмцевъ въ Канадѣ, Бразиліи, Аргентинѣ и на всемъ земномъ шарѣ находятся въ безопасности, не будучи подъ его защитой. Когда американцы поселяются въ другихъ странахъ, они не несутъ съ собою американскаго флага. Не нелѣпа ли и не злонамѣрена ли теорія, будто германцы должны поддерживать свою государственность, гдѣ бы они ни находились? Не дикія ли грезы пангерманизма породили это великое преступленіе? И не родится ли, быть можетъ, изъ этой войны выс-

шій порядокъ, при которомъ человѣчество будетъ выше отдѣльной расы, и правительства, которыя этого не уразумѣютъ, должны будутъ погибнуть?

Вашъ военный классъ, желая удержать власть въ своихъ рукахъ, заявляетъ, что населеніе Германіи не способно къ тому, что англичане и американцы называютъ самоуправленіемъ. «Германцы менѣе всѣхъ народовъ способны распоряжаться своею судьбою», говоритъ вашъ генералъ фонъ-Бернгарди. Такъ. Но я хотѣлъ бы вообразить, какой разговоръ произойдетъ между германскимъ народомъ и его руководителями по окончаніи войны! Въ трагедіи Бульвера «Ришелье» есть одно мѣсто, которое тутъ кстати напомнить: «Кто хочетъ играть сердцемъ человѣка при помощи колдовства, пусть онъ, среди своихъ чаръ, бережется, какъ бы его не унесъ діаволъ»!

Эти воинственныя грезы, эта германская солидарность, этотъ пангерманизмъ, эта лживая дипломатія, эта политика вооруженія до зубовъ, это ложное утвержденіе государства надъ личностью, это еще болѣе ложное слѣпое превознесеніе Германіи надъ человѣчествомъ, это презрѣніе вашей военной науки къ человѣческой жизни, алчное желаніе разрушить все, что свидѣтельствуетъ о развитіи человѣчества—все это ужаснуло міръ. Ваша ненасытность пугаетъ насъ. Вашъ генеральный штабъ опубликовалъ

планъ нападенія на Америку. Если вы свалите Британскую имперію, ужъ не нашъ ли наступитъ чередъ?

Такъ вотъ почему, мой дорогой д-ръ Шаперъ, мы чувствуемъ возмущеніе, стыдъ и обиду при мысли, что христіанская нація виновна въ этой преступной войнѣ. Говоря, что мы проклинаемъ это столкновенье и ненавидимъ германскій милитаризмъ, я выражаю настроеніе значительнаго большинства американскаго народа, включая сотни тысячъ германо-американскихъ гражданъ. Они не видятъ оправданій войнѣ. При вашей военной готовности, при вашихъ средствахъ обороны, цѣлый міръ не могъ бы перейти вашей межи. Заимствуя для своей культуры кое что отъ сосѣдей, Германія своимъ интеллектуальнымъ прогрессомъ, казалось, поднялась на высоту, на которой ея народъ былъ способенъ къ величайшимъ дѣламъ и альтруистической службѣ человѣчеству. Германскіе корабли плавали во всѣхъ океанахъ, развозя товары въ самыя отдаленныя страны и ваша нація всюду встрѣчала радушіе, потому что она стояла на уровнѣ человѣчности. Но теперь это положеніе разрушилось и сочувствіе утрачено. Въ полстолѣтія вы не вернете духовныхъ и матеріальныхъ благъ, которыя вы потеряли.

О, если бы снова увидѣть Германію, которую мы могли бы чтить, Германію подлиннаго мира, подлиннаго развитія, подлинной культуры,

скромную и не напыщенную, навсегда освобожденную отъ своей воинственной знати и вооруженныхъ полчищъ и идущую за такими руководителями, какъ Лютеръ, Гете, Бетховенъ и Кантъ. Но Германія,—побѣдитъ ли она или проиграетъ въ этой борьбѣ, — пала. Великая когда то нація осуждена продолжать свой путь въ потемкахъ, пока совѣсть не прикажетъ ей увести свои арміи въ собственныя границы и ждать прощенья своему неискупимому проклятью.

Если девяносто три нѣмца, подписавшихъ письмо ко мнѣ, воспользуются своимъ обширнымъ вліяніемъ на согражданъ для прекращенія войны, демобилизаціи, для заключенія мира, основаннаго на сознаніи правонарушеній, о которыхъ заявили императоръ и имперскій канцлеръ—этимъ они окажутъ человѣчеству настоящую услугу, выше всего, совершеннаго ими въ теченіе всей ихъ жизни.

Много добраго, безъ сомнѣнія, родится изъ этой ужасной войны. Наибольшимъ благомъ будетъ миръ. Состоя членомъ многихъ обществъ мира, я могу отмѣтить слѣдующее: до сихъ поръ сторонники мира робко держались въ сторонѣ, отступая передъ защитниками войны. Но теперь я предсказываю, что съ этого времени проповѣдь мира станетъ самымъ воинственнымъ и боевымъ кличемъ на землѣ. Властью высокаго авторитета онъ подчинитъ себѣ законъ и порядокъ. Онъ наступитъ ногою на ничтожное

самолюбіе тѣхъ, кто когда нибудь замыслитъ вновь строить великія имперіи на трупахъ людей. Только тогда мы увидимъ, что человѣчество дѣйствительно больше и выше своихъ частей—націй.

Въ заключеніе этого искренняго отвѣта на ваше письмо, я хочу высказать свое глубокое сочувствіе германскому народу. Я скорблю вмѣстѣ съ вами о добрыхъ и отважныхъ людяхъ, чьи жизни безплодно погибли во время вакханаліи международнаго кроваваго развала; такъ же какъ и вы я плачу вмѣстѣ съ тѣми чудными женщинами, чьи сердца разбиты невыносимыми утратами; я жалѣю милліоны бѣдныхъ дѣтей, которымъ суждено расти безъ поддержки отцовской руки. Я хотѣлъ бы умѣть чѣмъ нибудь смягчить эти горести, но не въ силахъ человѣческихъ поднять удручающую ношу скорби.

Благодарю за письмо васъ и остальныхъ, чьи имена стоятъ подъ нимъ, и глубоко желаю, чтобы ненарушимое успокоеніе снизошло на нашъ потрясенный міръ. Вѣрьте непоколебимой дружбѣ и уваженію, дорогой докторъ Шаперъ,

Всегда Вамъ преданнаго

С. Г. Черчъ.

Къ цивилизованному міру.

Какъ представители науки и искусства въ Германіи, мы протестуемъ передъ цивилизованнымъ міромъ противъ лжи и клеветъ, которыми наши враги пытаются запятнать честь Германіи въ ея тяжкой борьбѣ за существованіе—въ борьбѣ, которую ей навязали.

Когда желѣзная рѣчь событій доказала, какъ далеки отъ правды мнимыя германскія пораженія, были пущены въ ходъ клевета и систематическія искаженія. Какъ глашатаи истины, мы поднимаемъ свой голосъ противъ нихъ.

Неправда, что Германія виновна въ возбужденіи войны. Ни народъ, ни правительство, ни императоръ не желали войны. Германія сдѣлала все, чтобы помѣшать ей; весь міръ можетъ судить объ этомъ на основаніи неопровержимыхъ доказательствъ. Впродолженіе 26 лѣтъ своего царствованія Вильгельмъ II всегда выступалъ въ защиту мира и это всегда признавалось даже нашими противниками. Развѣ не они

всегда высмѣивали императора, котораго называютъ теперь Атиллой, за его упорныя старанія поддерживать всеобщій миръ. Вся нація поднялась, какъ одинъ человѣкъ не прежде, чѣмъ на ея границахъ появилась численно превосходныя непріятельскія силы.

Неправда, что мы вторглись въ нейтральную Бельгію. Доказано, что Франція и Англія первыя рѣшились на вторженіе, и доказано равнымъ образомъ, что это было рѣшено съ согласія Бельгіи. Съ нашей стороны было бы самоубійствомъ не предупредить ихъ.

Неправда, что жизнь и собственность отдѣльныхъ бельгійцевъ подвергались насилію со стороны нашихъ солдатъ въ тѣхъ случаяхъ, когда это не вызывалось крайней необходимостью самообороны. Нѣтъ и нѣтъ. Несмотря на предупрежденія, жители, залегая въ окнахъ, стрѣляли изъ домовъ въ солдатъ. Они хладнокровно убивали и ранили медицинскій персоналъ, когда онъ исполнялъ свой высокій долгъ. Изображать нѣмцевъ преступниками за то, что они боролись съ этими преступленіями и справедливо наказывали убійцъ—значитъ до послѣдней степени низко искажать истину.

Неправда, что наши войска варварски поступили съ Лувеномъ. Разъяренные жители города напали на нашихъ солдатъ, и принудили ихъ сжечь въ видѣ наказанія часть города. Лучшая часть Лувена пощажена; знаменитая городская

ратуша осталась совершенно не тронутой, благодаря величайшему самопожертвованію нашихъ солдатъ, спасавшихъ ее отъ пожара. Каждый нѣмецъ глубоко пожалѣетъ, если въ продолженіе этой ужасной войны погибло или еще погибнетъ какое либо произведеніе искусства. Однако, хотя ни одинъ народъ не относится къ искусству съ большимъ почитаніемъ, чѣмъ мы, тѣмъ не менѣе, мы рѣшительно отказываемся покупать спасенье памятниковъ искусства цѣною пораженія Германіи.

Неправда, что воюя мы не считаемся съ международнымъ правомъ; мы не совершали беззаконныхъ жестокостей. Между тѣмъ на восточной нашей границѣ земля напоена кровью женщинъ и дѣтей, безжалостно заколотыхъ дикими русскими войсками, а на западѣ пули думъ-думъ увѣчатъ нашихъ солдатъ. Тѣ, кто вступили въ союзъ съ Русскими и Сербами, и явили міру постыдное зрѣлище подстрекательства монголовъ и негровъ противъ бѣлой расы, не имѣютъ права считать себя столпами цивилизаціи.

Неправда, что наши противники борются только противъ германскаго милитаризма, какъ они лицемѣрно увѣряютъ. Они борются и противъ нашей цивилизаціи. Безъ германскаго милитаризма германская цивилизація давно была бы вырвана съ корнемъ. Подъ его покровомъ она выросла въ странѣ, въ которой въ теченіе вѣковъ царилъ безпримѣрный развалъ.

Германская армія и германскій народъ едины и нынѣ это сознаніе братски объединяетъ нѣмцевъ всѣхъ сословій, общественныхъ положеній и партій.

Мы не можемъ выбить отравленное оружіе—ложь—изъ рукъ нашихъ враговъ. Все, что мы можемъ,—это объявить всему міру, что наши враги лжесвидѣтельствуютъ противъ насъ. Вы, кто знаете насъ, кто вмѣстѣ съ нами хранили самыя святыя завоеванія человѣка, къ вамъ мы взываемъ:

Имѣйте довѣріе къ намъ. Вѣрьте, что мы стремимся довести эту войну до конца такъ, какъ подобаетъ цивилизованному народу, для котораго наслѣдіе Гете, Бетховена и Канта такъ же священно, какъ его собственные жизнь и очаги.

Порукой въ этомъ наши имена и честь.

Адольфъ фонъ-Байеръ, профессоръ химіи, Мюнхенъ.

Проф. Юстусъ Бринкманъ, директоръ музея, Гамбургъ.

Проф. Петеръ Беренсъ, Берлинъ.

Іоаннъ Конрадъ, проф. національной экономіи, Галле.

Эмиль фонъ-Берингъ, проф. медицины, Марбургъ.

Францъ фонъ-Дефреггеръ, Мюнхенъ.

Вильгельмъ фонъ-Боде, главный директоръ королевскаго музея, Берлинъ.

Рихардъ Демель, Гамбургъ.

Алоизъ Брандль, профессоръ, президентъ шекспировскаго общества, Берлинъ.

Адольфъ Дейссманнъ, профессоръ богословія, Берлинъ.

Луи Брентано, профессоръ національной экономіи, Мюнхенъ.

Проф. Вильгельмъ Дерпфельдъ, Берлинъ.

Фридрихъ фонъ-Дунъ, профессоръ археологіи, Гейдельбергъ.

І. І. де-Гроотъ, профессоръ этнологіи, Берлинъ.

Альбертъ Эрхардъ, профессоръ католическаго богословія, Страссбургъ.

Фритцъ Хаберъ, профессоръ химіи, Берлинъ.

Проф. Пауль Эрлихъ, Франкфуртъ на Майнѣ.

Эрнстъ Гекель, проф. зоологіи, Іена.

Карлъ Энглеръ, профессоръ химіи, Карлсруэ.

Максъ Хальбе, Мюнхенъ.

Гергардъ Эссеръ, профессоръ католическаго богословія, Боннъ.

Проф. Адольфъ фонъ-Гарнакъ, главный директоръ королевской библіотеки, Берлинъ.

Рудольфъ Эйкенъ, профессоръ философіи, Іена.

Гербертъ Эйленбергъ, Кайзервертъ.

Генрихъ Финке, профессоръ исторіи, Фрейбургъ.

Эмиль Фишеръ, профессоръ химіи, Берлинъ.

Вильгельмъ Ферстеръ, профессоръ астрономіи, Берлинъ.

Людвигъ Фульда, Берлинъ.

Эдуаръ фонъ-Гебгардъ, Дюссельдорфъ.

Гергартъ Гауптманъ, Агнетендорфъ.

Карлъ Гауптманнъ, Шрейберхау.

Густавъ Хелльманъ, проф. метеорологіи, Берлинъ.

Вильгельмъ Германнъ, профессоръ протестантскаго богословія, Марбургъ.

Андреасъ Хейслеръ, профессоръ сѣверной филологіи, Берлинъ.

Адольфъ фонъ-Гильдебрандъ, Мюнхенъ.

Людвигъ Гоффманнъ, городской архитекторъ, Берлинъ.

Энгельбертъ Гумпердинкъ, Берлинъ.

Леопольдъ Графъ Калькрейсъ, президентъ германскаго артистическаго союза, Эддельсенъ.

Артуръ Кампфъ, Берлинъ.

Фрицъ Авг. ф. Каульбахъ, Мюнхенъ.

Теодоръ Киппъ, профессоръ права, Берлинъ.

Феликсъ Клейнъ, профессоръ математики, Геттингенъ.

Максъ Клингеръ, Лейпцигъ.

Алоизъ Кнепфлеръ, профессоръ исторіи искусствъ, Мюнхенъ.

Антонъ Кохъ, профессоръ римско-католическаго богословія, Мюнстеръ.

Пауль Лабандъ, профессоръ права, Страссбургъ.

Карлъ Лампрехтъ, профессоръ исторіи, Лейпцигъ.

Филиппъ Ленаръ, профессоръ физики, Гейдельбергъ.

Максимиліанъ Ленцъ, профессоръ исторіи, Гамбургъ.

Максъ Либерманъ, Берлинъ.

Францъ фонъ-Листъ, профессоръ права, Берлинъ.

Людвигъ Манцель, президентъ Академіи Искусствъ, Берлинъ.

Іозефъ Маусбахъ, профессоръ римско-католическаго богословія, Мюнстеръ.

Георгъ фонъ-Майръ, профессоръ политическихъ наукъ, Мюнхенъ.

Себастіанъ Меркле, профессоръ римско-католическаго богословія, Вюрцбургъ.

Эдуардъ Мейеръ, профессоръ исторіи, Берлинъ.

Генрихъ Морфъ, профессоръ романской филологіи, Берлинъ.

Фридрихъ Науманнъ, Берлинъ.

Альбертъ Нейссеръ, Берлинъ.

Вальтеръ Нернстъ, профессоръ физики, Берлинъ.

Вильгельмъ Оствальдъ, профессоръ химіи, Лейпцигъ.

Бруно Пауль, директоръ школы прикладныхъ искусствъ, Берлинъ.

Максъ Планкъ, профессоръ физики, Берлинъ.

Альбертъ Пленъ, профессоръ медицины, Берлинъ.

Георгъ Рейке, Берлинъ.

Профессоръ Максъ Рейнгардтъ, директоръ германскаго театра, Берлинъ.

Алоизъ Риль, профессоръ философіи, Берлинъ.

Карлъ Робертъ, профессоръ археологіи, Галле.

Вильгельмъ Рентгенъ, профессоръ физики, Мюнхенъ.

Максъ Рубнеръ, профессоръ медицины, Берлинъ.

Фрицъ Шаперъ, Берлинъ.

Адольфъ фонъ-Шлаттеръ, профессоръ протестантскаго богословія, Тюбингенъ.

Августъ Шмидлинъ, профессоръ священной исторіи, Мюнстеръ.

Густавъ фонъ-Шмоллеръ, профессоръ національной экономіи, Берлинъ.

Рейнгольдъ Зеебергъ, профессоръ протестантскаго богословія, Берлинъ.

Мартинъ Шпанъ, профессоръ исторіи, Страссбургъ.

Францъ фонъ-Штукъ, Мюнхенъ.

Германнъ Зудерманнъ, Берлинъ.

Гансъ Тома, Карлсруэ.

Вильгельмъ Трюбнеръ, Карлсруэ.

Карлъ Фолльмеллеръ, Штутгартъ.

Рихардъ Фоссъ, Берхтесгаденъ.

Карлъ Фосслеръ, профессоръ романской филологіи, Мюнхенъ.

Зигфридъ Вагнеръ, Байрейтъ.

Вильгельмъ Вальдейеръ, профессоръ анатоміи, Берлинъ.

Августъ фонъ-Вассерманнъ, профессоръ медицины, Берлинъ.

Феликсъ фонъ-Вейнгартнеръ.

Теодоръ Вигандъ, директоръ музея, Берлинъ.

Вильгельмъ Винъ, профессоръ физики, Вюрцбургъ.

Ульрихъ фонъ-Виллармовицъ-Меллендорфъ, профессоръ филологіи, Берлинъ.

Рихардъ Вилльштеттеръ, профессоръ химіи, Берлинъ.

Вильгельмъ Виндельбандъ, профессоръ философіи, Гейдельбергъ.

Вильгельмъ Вундтъ, профессоръ философіи, Лейпцигъ.

Библіотека
Института Ленина
при Ц. К. В. К. П. (б.)

Цѣна 50 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО

ЛУКОМОРЬЕ

Складъ изданія: Петроградъ, Невскій пр., д. 40.

Экспедиція: Петроградъ, ул. Жуковскаго, д. 7, кв. 56.